

Альсан Каримова

**Моя 9-я
ЖИЗНЬ**

Альсан Каримова

Моя 9-я жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683115

ISBN 9785005031891

Аннотация

Жизнь юной девушки вдруг переворачивается с ног на голову – ей предстоит участие в некоем генетическом эксперименте, исход которого весьма неопределённый... Стать совершенным человеком либо же погибнуть – дилемма не из простых. Впрочем, выбор не был бы таким уж сложным, не продиктуй его любовь. История, написанная полушутя, полусерьёзно. Роман для молодёжи, а также для всех, кто готов скрасить свой досуг лёгким фантастическим сюжетом.

Содержание

МОЯ 9-Я ЖИЗНЬ	5
пролог	6
глава 1	7
глава 2	26
глава 3	37
глава 4	47
глава 5	61
глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Моя 9-я жизнь

Альсан Каримова

© Альсан Каримова, 2019

ISBN 978-5-0050-3189-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЯ 9-Я ЖИЗНЬ

пролог

Ампула... Маленькая, с виду ничем не примечательная стекляшка. Но в неё заключена моя новая жизнь, либо же — моя смерть. Есть ли у меня выбор? Нет. Выбора нет. И раньше не было, хоть *он* и утверждал обратное. Можно, конечно, вообразить, будто решила я всё исключительно сама, и здесь оказалась по собственной воле, более того — из собственного протеста! Но, по-настоящему, меня сюда привёл *он*. Его и вина. Ему и отвечать за всё. И пусть даже он сделал это неосознанно — всё равно, это — *его* рук дело!

Тягучая жидкость медленно заполняет цилиндр шприца. На свету она кажется розовой. Я вытягиваю руку, пару раз сжимаю и разжимаю кулак, чтобы взбухла вена... Дорога в неизвестность объявляется открытой.

глава 1

Эта история началась в марте. Странно, но именно самые первые её моменты я помню лучше всего. Вот закрываю глаза, и снова я там, в своих обычных и привычных буднях, ещё ничегошеньки не подозреваю, а главным пунктом в списке ожиданий являются только оттепель да последующая за нею весна. И тот день тоже начался совершенно обычно. Март, ещё не отступившие морозы, снегопады, индевелый рассвет...

Будильник трезвонит подъём. Если бы сейчас меня спросили, с какого перепугу я не спала до половины пятого утра, я бы честно призналась: не имею ни малейшего понятия! Как, впрочем, и о механизме действия полнолуния на мою нервную систему.

Когда бишь я взялась вести дневник? Лет в шестнадцать, кажется. Тогда мне почему-то представлялось, будто судьба вот-вот должна совершить один из своих решающих витков, будто грядёт нечто особенное, неповторимое и непременно прекрасное. Однако юношеские предчувствия меня обманули — как раз в тот период жизнь будто нарочно направилась по накатанной, небогатой впечатлениями трассе, ни на миг не превышая допустимых скоростных отметок и игнорируя даже самые плавные повороты. Описывать было нечего. Для

глубокомысленных рассуждений достойного материала тоже не находилось. Проснувшийся было во мне мемуарист затосковал от бездействия, заметно поутратил энтузиазм и в конечном счёте полностью ретировался. А в несостоявшийся дневник был занесён один-единственный текст прерванного содержания:

«Что особенного в полнолунии? Ничего, кроме всем известных фактов и легенд.

Когда я была ребёнком, маме частенько приходилось дежурить у моей постели — в лунном бреду её чадо норвило сбежать из дому. Так продолжалось до девяти лет. Мама думает: возраст исцелил меня от странности... Да, пожалуй, я и впрямь боле не лунатик: во сне ведь не хожу. Дело в том, что в полнолуние я просто не могу уснуть. Но только это не обычная бессонница, а мучительное наваждение, словно кара за грехи прошлой жизни. Тяжелее всего приходится весной. Ровно в полночь (дурацкое совпадение!) луна направляет свой свет прямо в моё окно, комната наполняется призрачной дымкой, и разум покидает меня. Знакомая с детства навязчивость захватывает в свой сумасбродный плен: прочь! Прочь отсюда: из этого мира, из этой жизни — они не мои! Луна как будто знает, кто я, знает мой смысл, знает, почему не могу найти успокоения в простых радостях человеческой жизни, что мне нужно, чего хочу. Она знает, а я — нет. Её свет молчит, он не ответит на мои вопросы, но он укажет путь, *мой* путь, всё, что нужно, лишь ступить на лун-

ную дорогу; это так просто, проще, чем дышать. И гораздо проще, чем уговорить себя остаться всё-таки в живых.»

С тех пор, к сожалению, мало что изменилось — и по сей день я остаюсь заложницей лунного диктата.

Выползаю из постели и плетусь в ванную. Есть, как обычно, не хочется. Завариваю кофе и иду одеваться. Сегодня коллоквиум, следовательно — мозгу нужна бодрость. От кофейной крепости того гляди начнётся тахикардия, но иначе я весь день буду подобием сонной мухи. Ой! Уже пора бежать! О, чудо! — дверной замок открывается с первой же попытки!

За моей пробежкой до автобусной остановки наблюдала подбеленная зарницей луна. О том, что грядущей ночью бессонница достигнет своего бредового пика, лучше было пока не думать.

Когда удалось протиснуться к выходу и покинуть-таки душевные недра переполненного автобуса, на небе нарисовалась тёмно-фиолетовая туча, и улицы мгновенно затерялись в вязкой пелене снегопада. Часы отметили без четверти восемь. Пришлось включать предельную скорость. Опаздывать не люблю, тем более — на коллоквиум. Главная гордость всей моей тогдашней жизни состояла в том факте, что я — будущий врач, и в университете, что по адресу Mickevičiaus 9, — не посторонняя. В это здание, пленяющее своим сдержанным величием, я влюбилась ещё подростком, когда на-

чала серьёзно задумываться о будущей профессии и в день открытых дверей заглянула внутрь.

Сия колыбель образования не является обычной, школоподобной постройкой. Её планировка — нечто уникальное, непривычное в сравнении с остальными, правильными и предсказуемыми зданиями вузов. Поднявшись на парадное крыльцо и одолев массивную парадную дверь, попадаешь на крыльцо внутреннее, от которого отходят три лестницы: одна, средняя, — вниз, а по краям от неё — две, ведущие наверх, так что можно спуститься на цокольный этаж, либо подняться до уровня этажа первого. Холл небольшой, квадратный, и посередине красуется ещё одна лестница — на верхние этажи. От холла, подобно лучам, разбегаются коридоры: центральный, широкий и светлый, что ведёт к главным аудиториям, и боковые ответвления, которые уже не столь просторны, — они объединяют лабораторные и административные кабинеты. Если спуститься вниз и свернуть налево, то попадаешь в сложный зигзаг — это переход в старое крыло. А старое крыло — это целая поэма: лаконичное, простое, с деревянными половицами и крутыми лестницами, с высокими потолками и скрипучими дверьми, с матовыми стеклянными вставками на этих самых дверях, с оконными рамами, от которых постоянно дует, — это место, где оживает великое медпрошлое и где теперь в холодную погоду нередко подмерзает по-модному одетое медбудущее.

В общем, внятно описать внутреннее устройство здания

довольно сложно. Скажу одно: это — не сухая общественная постройка, это — дом. Дом, хранящий свою, особенную тайну, суть которой непременно хочется постигнуть.

Итак, годы тому назад поблуждав немного в атмосфере строгой загадочности, я клятвенно обещала себе непременно поступить в медицинский. Эта мечта сбылась, и ей на смену тут же пришла другая: достойно преодолеть все трудности студенческого бытия, за что в награду стать хорошим специалистом. Ну а пока что я была всего лишь второкурсницей, на тот момент изучавшей интереснейший предмет по имени патофизиология.

Учитывая все каверзы тогдашней погоды, по парадным ступеням карабкаться было травмоопасно. На полном ходу я свернула к боковому крыльцу и едва успела затормозить — к боковому входу и навстречу мне на такой же предельной скорости направлялась чья-то хрупкая заснеженная фигура. Ещё миг, и мы бы столкнулись лбами. Фигура тоже остановилась, приподняла край побелевшего капюшона и оказалась моей лучшей подругой Викой.

– Холодно сегодня! — буркнула Вика вместо приветствия.

– Как настроение? — задала я риторический вопрос.

– Хуже некуда! Нифигашеньки не выучила!

– Ты всегда так говоришь!

– На сей раз — не кокетничаю!

Прежде чем зайти внутрь, мы дружно отряхнулись и энер-

гично потопали на металлической решётке, едва глядевшей из-под спрессованного снежного пласта, затем повторили то же самое на колючем коврике, поджидавшим за дверью. Под ногами смачно хлюпнуло, и из-под коврика выползла коричневатая лужа, слегка подкормленная очередной порцией слякоти.

Потолкавшись у гардеробной, мы сдали свои куртки на хранение, облачились в белые халаты и помчались на второй этаж. До восьми оставалась лишь пара беспощадных минут.

Коллоквиум минул несказанно быстро и для нашей группы довольно удачно. Далее следовали три лекции по сорок пять минут каждая, и, наконец, — вожделенная свобода пятничного пополудни.

Дальше всё, как обычно: сначала толкучка у гардеробной, потом — у зеркала, затем долгожданный выход на улицу. Март месяц не радовал теплом, и сугробы не спешили покидать городских обочин, но настроение всё равно уже было не зимним — воздух был другим. Его напитокывало трепетное, волнительное ожидание. Ожидание конца холодной белоснежной сказки, ожидание прихода непостоянной, безрассудной весны, полной тревог и глупых, неоправданных надежд. Я брела к автобусной остановке, ёжась от студёного ветра и воображая, будто бы в его дыхании уже появились вешние ноты. Грядущее полнолуние напоминало о себе странной, неминуемой тоской.

Автобус приехал с сильным опозданием и битком набитый. Всю дорогу я мечтала поскорее отлепиться от чьей-то обширной спины и выйти на свежий воздух, а лишь только вышла — озябла, и, стуча зубами, побежала поскорее к дому.

Родимая пятиэтажка встретила привычным, многолетне-стабильным запахом нашего подъезда, второго слева. Я опрометью взбежала на третий этаж, торопясь, дабы волосы и одежда не успели пропитаться этой сверхсложной смесью табака и чего-то жареного, отперла дверь. Был тот редкий день, когда мама (медсестра, работающая на полторы ставки) находилась не на дежурстве.

– Миласик мой пришёл! — заворковала она. — Замёрзла?

– Нет, — соврала я, — на улице уже потеплело.

Я с наслаждением повела носом — мама приготовила что-то явно вкусное.

– Разувайся и мой руки! — угадала она мои мысли. — Будем обедать!

День мог бы стать прекрасным. То есть, он действительно был очень хорош: после обеда мы с мамой проболтали целых два часа кряду, делились новостями и сплетнями из своих сред обитания, потом планировалось чаепитие и просмотр какого-нибудь лёгкого фильма, но эти милые вечерние планы обрубил телефонный звонок. Мамина коллега слёзно умоляла выйти за неё в ночную — заболел ребёнок.

Так через полчаса я осталась тет-а-тет с лунным безумием.

Сию в полной тишине, точнее — в песне мартовской метели, ведь именно её завывание слышно сейчас за окном. Дела плохи — это стало ясно, когда одно из торопливых облаков вдруг порвалось и явило моему взгляду идеально круглый контур. А ведь до полуночи ещё целых два часа... В моих руках альбомный лист, исчерченный нервными набросками: лунный диск графической тенью глядит то через гонимое ветром облако, то через голые древесные ветви, а в верхнем углу листа застыла девичья фигурка. Интересно, как бы прокомментировали сей коллаж психиатры? Эта планета, светящая белым золотом, она так прекрасна, почему же она мучает меня? Зачем? Как будто во мне и впрямь есть нечто особенное. Облака несутся с оглашенной скоростью, с каждой минутой становясь всё прозрачнее. А вот и она, моя непонятная, ожившая мучительница. Так чего же ты хочешь от меня, ночная королева? Растрёпанная, рваная тучка заслонила белый диск, не дав луне ответить.

Двенадцатый час. Кто я такая, чтобы спорить с небесным светилом?! Я устала от полнолуния. Очень хочется поскорее заснуть, но, вот беда, — сна ни в одном глазу. Сколько лет это повторяется? Пять, шесть? Нет, больше, просто в детстве я не пыталась спорить... так зачем спорить сейчас? Зачем ждать полуночи, зачем тупо твердить, что нужно остаться в живых, а, следовательно, оставаться в пределах своей комнаты? Кто сказал, что правильно именно так?! Кто это выдумал? На пол скользнуло нечто лёгкое, почти

невесомое, оно бумажным шорохом сообщило о своём приземлении. Я уже и не помню, что там за бумажка. Меня зовут куда-то далеко... Рука потянулась к оконной задвижке сама собой, старый подоконник превратился в первую ступень, ведущую к белому лучу, пахнуло холодом и весной одновременно, в моих распущенных волосах запутались шальные снежинки... Я в ужасе отпрянула, соскочила с подоконника и захлопнула окно. Только множественных переломов и не хватало для полного счастья! Ведь, упав с третьего этажа в сугроб я навряд ли отдала бы Господу душу, а вот травмы — гарантированы! Ну что со мною творится, в самом-то деле?! Как бы там ни было, а эдаких финтов не наблюдалось даже в детстве! Ну ничего, ничего! Сейчас... задёрнуть шторы поплотнее, выпить снотворного и заночевать в маминной комнате — хоть какая-то смена обстановки. Да, именно так и сделаю!

Помню, как, сетуя, что все окна нашей двушки выходят на «лунную» сторону, отыскала облатку Тазепама, как проглотила сразу две таблетки, как ради успокоения нервов повторно приняла душ и улеглась в мамину постель. Наверно, я даже прикорнула. А разбудила меня неестественная, звенящая тишина за окном. Ветер унялся, по безоблачному, кобальтово-чёрному небу плыла молочная луна, её свет парил в воздухе серебряной ватой, и я поняла: идти надо немедленно! Озарение... и даже окружающие предметы вдруг стали чётче, ярче, красивее! Обрадованная и окрылённая, я жале-

ла только, что приходится напяливать на себя такое количество одежды: свитер, джинсы, сапоги — сколь проще и легче бы было без них! Но подсознание напомнило: на улице — холодно! И я безропотно облачилась ещё и в зимнее пальто.

Покидая пределы квартиры, я заботливо прикрыла старую дверь и заперла её, как и полагается, на оба замка. На лестничной клетке было темно и душно, но внизу, на первом этаже, горела дежурная лампочка, и, чем ниже я спускалась, тем светлее становился мой путь — и это тоже сошло за особый знак. Один лестничный пролёт, за ним другой, и кажется, что эти ступени бесконечны и что не выбраться уже из их по-бытовому зловонного плена. Я пустилась бегом, не заботясь, услышит ли кто-нибудь из соседей, заметит ли, — мне срочно нужен был свежий воздух! И наконец вместо поворота по спирали лестница легла прямо, указала на входную дверь, на свободу. Отчаянное, необъяснимое веселие подгоняло, торопило вон отсюда, под хрустальные лучи, на кристально-чистый, чуть разбавленный весною холод. Вперёд, через три ступеньки, скорее туда! Задремавшая подъездная дверь ворчливо скрипнула. Полузимняя ночь встретила ознобом, но сдаваться — не в моих правилах! И пускай тот сладкий, едва различимый голос, что неустанно куда-то звал, сейчас притих, но он непременно зазвучит снова, надо только подойти к нему поближе... мне придётся его догонять! И медлить нельзя ни мгновенья! Хорошо, что снег лежит — хоть видно, куда идти, а то ведь фонари опять

не светят! Я решительным (сомневаться же нельзя, иначе всё рухнет!) и довольно быстрым шагом обогнула родимую пятиэтажку, преодолела крайне неровный тротуарчик и вырвалась на открытое пространство. Обледеневшее шоссе пустовало. Луна вдруг мигнула и кинула куда-то вправо длинный луч. Скорей туда — по укатанному снегу, до изборождённого четырьмя колеями проспекта, и дальше — вон, прочь! Он давил на меня, этот город, заполненный спящими людьми. Мне хотелось освободиться от всего на свете, и я пустилась бегом. Так я и бежала, бежала куда-то вперёд, и прочь от кого-то, пока холодный воздух не начал резать бронхи, и пока в правом, а следом — и в левом боку не набухло по чугунной гире. Пришлось бег сменить на быструю ходьбу. Под ногами разъезжались снежные ошмётки, обнажая коварную наледь, пальцы рук ломило от холода, дыхание сбивалось, увлекая за собой и пульс, но всё равно надо идти, идти дальше, просто необходимо! Необходимо! Необходимо... а ЗАЧЕМ??????...

Пронёсшийся мимо фургончик, весело посигналивший, окончательно отрезвил... ГДЕ Я???... И какого, собственно, чёрта тут делаю?!

Лихорадочные оглядывания по сторонам уяснили: это — загородная трасса. Как я сюда попала? Пешочком! Что делать теперь? Возвращаться обратно. И молить небеса, чтобы возвращение не отметилось злостью. Я не была уверена, в какой именно стороне остался город, но потом сооб-

разила, что нужно развернуться на сто восемьдесят градусов — для данной ситуации — беспроигрышный вариант.

«Всё в порядке, всё нормально,» — успокаивала я себя, — «главное, что я всё-таки очнулась от бреда, что теперь размышляю здраво, и, если я дошла сюда, то и без проблем смогу вернуться обратно, в общем — не паниковать!» Горизонт утробно рыкнул парой белых фар... «Ладно, это — всего лишь машина, за рулём которой кто-то сильно куда-то спешащий,» — белые огни надвигались с неистовой скоростью. — «Всего лишь некто, до меня ему дела нет и не будет, и незачем колотить тревогу. Но до чего же не по себе!» И когда автомобиль вдруг стал замедлять ход, то «не по себе» переродилось в «мамочки, как страшно!!!»

Ещё пару секунд я пыталась изображать спокойствие и продолжала идти вперёд, но иномарка, поравнявшись со мною, остановилась... Бежать?.. Куда?! В заснеженные поля — закопаться в полутораметровый снег?! Машина! Надо остановить какую-нибудь машину и попросить помощи у её водителя! Вот только дорога абсолютно пуста! Передняя дверца иномарки распахнулась... Я попятилась, наступила на комок льда, подняла его же — ведь лёд вполне сойдёт за камень...

— Ну и что ты тут делаешь? — спросила ночь красивым бархатным тембром.

Навстречу шагнул почти двухметровый мужской силуэт. Я крепче сжала в кулаке ледяной сгусток, готовая обо-

роняться, и тут поняла, что незнакомец обратился ко мне на русском...

— Садись в машину! — то ли пригласил, то ли приказал он. — Отвезу тебя домой.

Я не сдвинулась с места, но рука, сжимавшая моё холодное оружие, ослабела — уж больно приятным голосом обладал этот неизвестный. Лунные лучи светили ему в спину, скользили по тёмным кудрям, серебряной мантией окутывали мужественные плечи, но лица было не разглядеть.

— Мила, — снова позвал красивый баритон, — брось свою ледышку и садись в машину! Пожалуйста.

— А вы кто? — наконец обрела я дар речи. — Откуда знаете моё имя?

— Я многое о тебе знаю. Я знаком с твоим крёстным, с Петром Шиманским. И не бойся — я не опасен... Ну, по крайней мере, для тебя.

Повисла немая пауза. Я не знала, как поступить: садиться в незнакомую машину было боязно, а посылать добродетеля куда подальше и шпарить до дому пешком — не очень разумно.

По-видимому, устав от моей нерешительности, брюнет распахнул пассажирскую дверцу и жестом пригласил садиться внутрь. Я рассталась со своим оборонительным снарядами и забралась в машину. Незнакомец каким-то непостижимым образом тут же возник на водительском сиденье... Наверное, моё восприятие действительности малость подзамёрзло

и замедлилось.

– Меня зовут Владом, — представился он.

– Очень приятно! — выдала я штампованный ответ.

Щёлкнул переключатель, по салону разлился слабый электрический свет.

– Ты, должно быть, здорово замёрзла? — Влад повернулся ко мне...

Крупные, как смоль чёрные кудри, безупречная персиковая кожа, точёные черты лица, и глаза... большие, миндалевидные, не просто зелёные, а, как частенько пишут в книгах, — изумрудные, бесконечно яркие и совершенно бездонные. Стоило посмотреть в них, и окружающий мир исчезал, раскалывался на малейшие частицы, разлетался на атомы, теряясь где-то в небытии.

– Замёрзла? — снова спросил он.

– Угу, — кивнула я, вспомнив, что на вопросы принято хоть что-нибудь да отвечать.

– Сейчас станет теплее, — Влад потянулся к регулятору обогрева, обнажая изящную узкую кисть.

– Откуда ты? — вырвался у меня нелепый вопрос.

– То есть?

– Н-ну-у... вы, наверное, не местный, раз знакомы с Петром Павловичем, а мы с вами раньше не встречались? — неловкость растеклась по моим щекам густым жаром. В более дурацкое положение себя поставить было бы трудно: сначала как глубокая сумасшедшая по ночным трассам ша-

стаю, потом, обращаясь к незнакомому человеку, вдруг начинаю тыкать, но тут же возвращаюсь к выканию, и краснею, чем даю ясно понять, что очарована до глубины души.

— Да, — ответил он, — в Литве я бываю не часто. Зато созваниваемся мы с Петром почти ежедневно, а ты — его любимая тема. Так что я в курсе всех твоих успехов.

— Вот как...

«Каких ещё успехов???»

— Он с такой гордостью хвастался твоим красным аттестатом и победами на олимпиадах, будто сам во всём этом участвовал!

«Ах вот оно что — Олимпиады по биологии.»

— А когда ты поступила в медицинский, то наш профессор чуть не умер от счастья!

— Что ж, значит, вам и впрямь известны главные пункты моей биографии. Может, в связи с этим, скажете пару слов о себе?

— Пожалуйста, не надо выкать, — строго прозвучало в ответ.

Свет погас, машина тронулась с места, ловко свернула на встречу и понеслась вперёд. Понятно: о себе это божество не расскажет, и я только что ткнулась носом в дела, меня не касающиеся.

— Пристегнись, — напомнил владелец точёного профиля.

Мне очень трудно было не пялиться на него во все глаза. Такого красивого человека я ещё в жизни своей не встреча-

ла. Он казался ангелом, с небес сошедшим.

— Мила, пристегни ремень, — снова повторил Влад, с трудом сдерживая улыбку, от чего на щеке его заиграла озорная ямочка.

«Ага... он второй раз упомянул ремень безопасности... Это, наверно, потому, что я кивнула, но так и не приступила ни к каким действиям...» Я приказала себе собраться с духом, перестать млеть от внешности рядом сидящего и впредь вести себя адекватно, вытянула ремень, но пристегнуться всё никак не удавалось — защёлка выскальзывала из закованных рук. Владу пришлось вмешаться в эту возню, и на мгновение его пальцы коснулись моих, легонько, невесомо, но того было достаточно, чтобы моё сердце пустилось галопом. «Нет уж!» — сказала я себе мысленно. — «Рановато для безнадежных диагнозов! Это всего лишь красивый парень, а красота притягивает. И всё на том! Давно известный факт: я — не наивная дура, способная втрескаться с первого взгляда в кого-либо, будь он хоть трижды прекрасен! И я отлично контролирую свои эмоции (ну, когда нахожусь в адеквате, разумеется)!» И будто нарочно тёплая рука накрыла мою.

— Совсем ледяные! — констатировал Влад, бережно сжимая в ладони мои пальцы. — Надеюсь, ты не разболеешься теперь!

— Ерунда, — пролепетала я, — я даже в раннем детстве ни разу не простужалась.

«Сейчас, наверно, он спросит, что я потеряла на ночном

шоссе... И что ответить? Придётся признавать постыдную истину: я — лунатик-марафонец...»

Но Влад молчал. По-видимому, деликатные люди не перевелись даже в наш век!

— Откуда ты знаешь Шиманского? — заговорила я, лишь бы отвлечься от нежности его прикосновения.

— Да мы с ним почти родня!

— Вот как? А он никогда о тебе не упоминал.

— Это верно. Пётр не любит обо мне говорить.

— Почему?

— На всё свои причины, — сказал Влад и выпустил мою руку. — Ты согрелась?

Меня тут же бросило в нещадный озноб, будто от этого вопроса воздух похолодел градусов на десять.

— Д-да! — ответила я, постукивая зубами. — Всё хорошо!

— И часто ты так бесстыдно врёшь? — на его щеке вновь заиграла ямочка.

— Нет, только в ночь с пятницы на субботу!

— Что ж, выходит, мне довелось наблюдать весьма редкое явление.

Я и снова уставилась на красивый профиль. И на этот раз изумрудные глаза удостоили меня своим вниманием... Нет, это не взгляд, это — драгоценный омут!

— У тебя прекрасные глаза! — сказал он.

— У тебя — тоже, — промямлила я, собирая по одной рухнувшие в обморок мысли.

– Чувствую себя виноватой... — необходимо было что-то говорить. — Ты, наверное, куда-то спешил? А из-за меня должен был задержаться...

– Ничего! Дела не столь важные, можно и отложить.

За окном мелькнули знакомые картинки — мы подъезжали к моему дому... А ведь я не говорила, где живу...

– Тебе и адрес мой известен?

– Угу, — кивнул Влад как ни в чём не бывало.

Иномарка остановилась аккуратно возле подъезда.

«И что же, на этом — всё? Сейчас я поблагодарю, попрошаюсь, и уйду восвояси????..»

– Огромное спасибо, что подвёз!

– Не за что, — улыбнулся он. — Давай-ка, провожу тебя до двери, а то в подъезде наверняка темно.

Я хотела было возразить, но какая-то мелко расчётливая мыслишка велела прикусить язык.

Влад покинул водительское место. Я решила не изображать из себя балованную принцессу и выбраться из машины самостоятельно, не дожидаясь, пока мне откроют дверцу, но совсем позабыла о пристёгнутом ремне. В результате дверцу я открыла-то сама, но вот от оков мер безопасности меня уже освободил Влад, он же подал руку и помог выбраться наружу.

– Я не всегда такая несурзная, правда! — ляпнула я, пытаясь реабилитировать свои лёгкость и грацию, на данную ночь, по-видимому, взявшие отгул.

– Ты вовсе не несурозна! — заверил он.

Мы зашли в подъезд. Как обычно, освещением служила лишь хиленькая лампочка на первом этаже, и дальнейший путь проходил во всё сгущавшемся полумраке. Поднимались молча — я не хотела привлекать внимания бдительных соседшек, а Влад, наверное, просто был не болтлив. Когда дошли до двери, меня вдруг осенило: а не надеется ли он, что приглашу внутрь? Я-то всего лишь по-детски хотела, чтобы он знал мой адрес с точностью до номера квартиры, а о взрослых желаниях как-то не подумала...

– Ну, вот я и дома, — сказала я. — Спасибо тебе большое!

– Спокойной ночи! — кивнул Влад и растворился в полутьме. Шорох его шагов умчался вниз по лестнице и, спустя мгновение, хлопнула дверь подъезда.

Я выудила из кармана ключ, ожидая длительной борьбы с капризным замком, но тот был в благостном настроении и открылся безропотно.

Желая напоследок глянуть, как Влад садится в машину, я подлетела к окну, но иномарка уже испарилась со своего места, будто и не бывала там вовсе.

глава 2

«Встретимся, ещё непременно встретимся!» — успокаивала я себя. А пока от нечего делать перечитывала инструкцию по применению Тазепама. — «Так, побочные действия... «крайне редко — парадоксальные реакции (агрессивные вспышки, психомоторное возбуждение, страх, суицидальная наклонность, мышечный спазм, галлюцинации, острое возбуждение, раздражительность, тревожность, бессонница) «... Супер! Кажется, парочка из «крайне редких» меня и навестила!»

Поспать не удалось: я долго не могла утихомирить расшалившиеся нервы, а когда сладкая дремота всё же окутала — то есть около семи утра — соседи затеяли ремонт. У каждого человека свои понятия о раннем и позднем времени, спорить с которыми бесполезно. Нам с мамой вообще «повезло»: в квартире справа обретаются очень активные жаворонки — об их пробуждении обязательно узнаёт вся округа, а в квартире слева — глуховатые совы, что жизни своей не мыслят без ночных выпусков новостей. В итоге уже года три мне приходится дружить с берушами. Но звуки дрели, увы, даже им не заглушить. О! А вот и ещё одна активность проснулась: бабуля сверху решила пристыдить нарушителей покоя и колошматит по батарее, очевидно, думая,

что её возмущения идут по адресу — как раз в мою комнату... ДРРР-РРРР!!!! БУМС-ДЗИН-БУМС!!!!!! Через секунду снова: ДРРРР-РРРРРРРР!!!! И в ответ: БУМС-ДЗИН-БУМС!!!!!! Можно бы было посмеяться, если бы так не хотелось тишины.

Я с трудом выбралась из-под одеяла и с ещё большим трудом встала на ноги — мышцы бастовали. После взваленной на них ночной миссии они отказывались даже от обычного топтания по комнате. Не повезло им, бедным, с управляющей! Зеркало отразило лохматую ведьмочку, под глазами которой зиял фиолетовый недосып. Ну что ж, с последним уже ничего не поделаешь, а вот расчёской вооружиться стоит!

Я поймала себя на том, что как-то слишком критично разглядываю зеркальное отражение, будто бы вижу впервые. «Ничего ведь не изменилось,» — рассуждала я, — «приятные черты лица, большие синие глаза, ровная кожа, волосы (моя гордость!) густые, гладкие как шёлковое полотно, с красивым бронзовым отливом. К фигуре тоже никаких претензий нет. Рост, правда, средний, но разве это недостаток? В общем, красотка! А то, что я ни с кем не встречаюсь — абсолютно и только заслуга характера. Вика вот утверждает, будто я и Дьявола могу послать ко всем чертям так, что он действительно туда пойдёт! Только это неправда! Просто я по природе моногам, и ещё не встретила того единственного... Всё ясно: подсознание примеряет на свою обладательницу роль Владовой невесты — отсюда и приступ недоволь-

ства собственной внешностью... Дура!»

Наверное, я всё-таки везунчик! Этот ночной поход мог закончиться плачевно, но прекрасная случайность меня спасла, и, более того — никто из соседей ничего не заметил и не прознал, а, следовательно, не узнала и вернувшаяся с дежурства мама. Она отправилась отдыхать после бессонной ночи, а я — гулять по расположенному близ дома парку. До чего же здесь было красиво! Деревья казались белым кружевом, снег играл цветными искрами, пушистые тропинки скрипели под ногами, — рождественская открытка, а не мартовский пейзаж. И, всё же, воздух был не жгуче-морозным, а тем самым, колдовским, необъяснимым, — в нём холод и лёд пророчили тепло и зелень.

Однако, второй круг неспешного прогулочного шага разъяснил, что до весенней погоды ещё далековато, и пора домой — отпаивать себя горячим чаем и согревать ноги у батареи.

Я метнула прощальный взгляд на полуденно-снежный пейзаж и повернула к аллейке, ведущей вон из парка... И остановилась, будто вкопанная — по той самой аллее, местами укутанной синими тенями, легко и по-кошачьи мягко вышагивал двухметровый силуэт. Обладателя этой тигриной походки я сразу узнала — нечасто ведь встретишь столь завидное сочетание такого высокого роста и таких грациозных движений.

– Влад! — следовало, конечно, подождать, пока он пер-

вым поздоровается...

– Привет! — окутал меня бархатный голос. — Я знал, что найду тебя здесь!

– Правда? А откуда?

– Просто интуиция. Ты кое-что обронила, — он протянул мне ламинированную карточку, которая оказалась моим студенческим билетом. — Нашёл это сегодня в салоне своей машины.

– Ой, спасибо! Наверное, выпал из кармана, а я и не заметила пропажи!

«Вообще, странно — карманы моего пальто ведь очень глубокие, и, чтобы из них что-нибудь выпало, надо трясти вверх тормашками!»

– Ну так это ведь здорово! Получается, ты обрадовалась находке, не успев загрузить о потере.

– Да, верно... Ещё раз спасибо!

– Не за что! Как твоё самочувствие?

– Хорошо. Простужаться и сваливаться с пневмонией не собираюсь, если ты об этом.

– Именно об этом. Я вижу, ты любишь прогулки по морозу?

– Прогулки в тёплую погоду люблю ещё больше, но в этом году, как видно, зима решила задержаться.

– Уж это точно!

Как же завидую девушкам, способным не поддаваться смущению и поддерживать непринуждённый разговор! Увы,

я — не из их числа. Ну вот, замечательно — ещё и покраснела, как школьница! А всё потому что эти невероятно яркие глаза смотрели слишком пристально, будто в душу проникая...

– Спасибо тебе большое, что вчера подвёз меня до дому!

«Ну вот зачем я это лягнула?! Он же сейчас наверняка спросит, как я оказалась на загородной трассе!»

– Ещё раз не за что! — Влад улыбнулся, и по моим щекам потёк удвоенный жар.

«Ну всё, теперь уж точно покраснела, как бурак!»

– Я... я там случайно оказалась... в общем, это длинная и неинтересная история.

– Я не собираюсь расспрашивать тебя об этом, не волнуйся! — снова улыбнулся он.

– Пожалуйста, обещай, что не расскажешь ничего Петру Павловичу! — вспомнила я о крёстном.

– Конечно! Но тогда и ты обещай, что не расскажешь ему о нашем с тобой знакомстве!

– Обещаю... А почему?

– Что — почему?

– Почему нельзя сказать, что мы, допустим, повстречались в парке?

– Потому что тогда Пётр взбесится. Просто не упоминай обо мне. Хорошо?

– Хорошо, — кивнула я, — обещаю.

– Вот и славно. А теперь ступай домой — ты, кажется,

продрогла.

– Да, немного...

– Не буду тебя задерживать. Пока!

– Пока, — повторила я обречённо.

Ужасно хотелось его удержать, но как? К сожалению, изобретательностью в таких ситуациях я тоже не отличаюсь. И, вместо того чтобы придумать какую-нибудь отговорку да остаться поболтать ещё немного, пришлось послушно направиться к дому. Где-то с минуту я боялась даже оборачиваться, а когда наконец решилась — Влад уже исчез. Наверное, он сразу развернулся и отправился по своим делам, а не провожал меня взглядом, как я себе вообразила.

На том чудесные встречи прекратились. Зато чудить принялось моё сознание. Поскольку я запретила себе тешиться дурацкими иллюзиями и раззадоривать по-весеннему оголодавшую фантазию, разум начал свою, неофициальную, подпольную деятельность: каждый день я хоть на пять минут, но сбегала в парк. Да-да, при любой степени занятости и при любой погоде (последняя, кстати, вела себя прескверно: в дневное время снег с дождём и сумасшедший ветер, а по ночам заморозки). Просто неумоготу было сидеть в четырёх стенах. Казалось, что если сейчас же не глотну свежего воздуха, — умру от удушья! Объяснялось это нехваткой физической активности и авитаминозом. Так продолжалось неделю. А когда я разгадала подоплёку ежедневных

парковских прогулок (тайная надежда, что снова встречу с Владом) и, несмотря на жуткую ломку, посадила себя под домашний арест, виновник моих беспокойств стал являться в снах! Причём еженощно. Зеленоглазый мучитель то просто разговаривал со мною, нежно держа за руку, то вдруг появлялся на пороге с букетом цветов, то возникал у входа в парк, то вызывался проводить домой после лекций, а однажды и вовсе посмел поцеловать! Каждую ночь около половины третьего я просыпалась оттого, что сердце бешено колотится, не находя себе места, и больше не могла уснуть до самого раннего утра — так хотелось, чтобы все эти счастливые грёзы стали реальностью!

Неделя прошла в мытарствах и хроническом недосыпе. В общем, я заболела. Заболела абсолютно незнакомым парнем. Несмотря на убеждённость в собственных неприступности и трезвомыслии. И можно было сколь угодно убеждать себя в обратном и корить за нелепую для моего возраста влюбчивость, но факт оставался фактом.

«Хватит!» — решила я однажды утром. А точнее — красивым и солнечным, почти весенним утром, когда на дворе орудовала звонкая капель, а моим пульсом управляла предэкзаменационная мандражка. Выходя из дома, я твёрдо решила, что так или иначе, но положу конец своим мучениям. И тут было два пути: либо нарушить данное Владу обещание и вызнать хоть что-нибудь о нём у профессора, который, как было обещано, в последствии может сильно разозлиться, ли-

бо просто позабыть об изумрудных глазах... «Непременно решу эту дилемму, но прежде надо сдать экзамен!»

Каким таким чудом я умудрилась не завалить учёбу, одному лишь небу известно; но похвалы мой влюблённый мозг был явно достоин: на каждый из патофизиологических вопросов у него был готов пусть лаконичный, но правильный и весьма чёткий ответ.

Итак, я отправлялась на сдачу экзамена после бессонной (иначе уж и не бывало!) ночи. Под ногами блестела подтаявшая наледь, и этот коварный покров к невозможному сводил любую торопливость. Гололедные темпы обещали доставить меня на автобусную остановку минут через пять, не ранее, что немного озадачивало: так я и опоздать могла!

– Привет студентам! — поздоровался перегородивший въезд во двор автомобиль, и та самая отложенная на потом дилемма, похоже, приступила к саморешению...

Я оторвала взгляд от ледяных выбоин. Нарушителем водительского этикета оказался Пётр Павлович Шиманский — мой крёстный и по совместительству профессор генетики.

– И профессуре студенческое почтение! — улыбнулась я. — Какими судьбами?

– Да вот, проезжал мимо, решил тебя подвезти до университета, а то сегодня погода травмоопасная!

– Это точно! Красивый автомобиль!

– Нравится? — спросил профессор гордо. — Моя обнов-ка!

– Поздравляю!

Машина и впрямь впечатляла — серебристый Мерседес, новенький до завидного. Я обогнула капот и кое-как пробралась к пассажирской дверце — Шиманский есть Шиманский — он и не заметил, что остановился посреди лужи.

– Ну что, — подмигнул крёстный, — экзамен, который всегда праздник?

– Да, профессор, именно так. Поехали, не то соседи продемонстрируют глубину своего культурного развития — вы им выезд забаррикадировали.

Мерседес с чрезмерной осторожностью дал задний ход, плавно развернулся и покатился к главному проспекту.

– Где вы пропадали?

– К родственникам ездил.

– Ясно. А мама уже начала переживать, не случилось ли чего, — это я немного приврала — за последнее время мама лишь пару раз о профессоре вспоминала, и без всякого волнения.

– Всё в порядке у меня, всё по-старому. А как выживаете?

– Так же, новостей нет.

«Ох, если бы не данное Владу обещание... Что же такое спросить, чтобы Шиманский сам упомянул о нём?»

– Что будешь изучать после физиологии?

– Биохимию, — ответила я не без содрогания.

Наше тогдашнее обучение проходило циклами: месяц или

два были посвящены какому-нибудь одному предмету, венчался этот этап экзаменом, и лишь затем мы приступали к другой науке, которая изучалась по такой же схеме. Правда, иняз, культура речи, этика и прочие общеразвивающие дисциплины считались параллельными (то есть второстепенными), и в связи с этим были растянуты на весь год.

– М-м! — протянул профессор с удовольствием. — Биохимия — интересная штука! Нужна будет помощь — обращайся!

– Спасибо, непременно.

Заведомо же было ясно, что «обращаться» я не стану. Не из гордости, конечно, а от стыда: мне и обычная-то химия далась с трудом превеликим, а химия с приставкой «био» обещала быть куда как более непонятной. Стоит заметить: склад моего ума очень далёк от математического. Я, скорее, гуманитарий-естественник: обожаю неточные науки и биологию. Благодаря последней, кстати, мне и удалось попасть в медицинский. А математика и иже с ней всегда представлялись для меня чем-то вроде кошмара.

– Пётр Павлович, а зайдите к нам в гости! — осенило меня.

– В гости?

– Если, конечно, у вас нет других планов на этот вечер...

– Нет-нет! — обрадовался Шиманский. — Никаких планов нет! А мама не будет занята?

– Нет, она сегодня после ночной смены, и как раз успе-

ет выспаться. А ужин я сама приготовлю — в честь весны и сданного экзамена!

– Ну что ж, с удовольствием принимаю приглашение!

– Вот и здорово! Мама будет очень рада повидаться с вами!

Конечно, мама совершенно спокойно провела бы вечер и лишь в моей скромной компании, но визит профессора — это всегда шикарный букет цветов, вкусный торт и интересные рассказы, так что вряд ли она запротестует. Ну а у меня, как ни стыдно признавать, — свои, расчётливые, я бы даже сказала — корыстные цели...

глава 3

Экзамен ми́нул быстро и безболезненно. После договорённости о визите Петра Павловича все учебные волнения задвинулись на второй план. Теперь гораздо важнее было придумать нечто эдакое... И соображалка не заставила долго ждать — телефон! Влад упомянул, что созванивается с Шиманским, то есть, его номер наверняка сохранён в памяти профессорского мобильного! Значит, я из кожи вон вылезу, но телефон этот раздобуду!

В итоге, восседавший за «столом допросов» преподаватель казался никем иным, как человеком, обязанность беседовать с которым тормозит приведение моих нечистых замыслов в исполнение, или попросту помехой, от которой следовало поскорей отделаться. И это далось шутя. Оказывается, на устном экзамене гораздо легче думается и отвечается, когда нервы заняты чем-то другим.

— Похвально, — кивнул учёный муж, не сумевший сбить меня с толку. — Можете быть свободны!

Наконец-то! Я бы, будь только моя воля, штрафовала бы таких педагогов — тех, что развлекаются, загоняя бедных студентов в тупик: «Уверены ли вы в правоте своих утверждений?» или: «Как вы полагаете, верен ли ваш ответ?» И произносится это всё с такой подковыркой, с такой издёвкой, что большинство вопрошаемых тут же теряются, на-

чинают сомневаться и лихорадочно копать в заученных догмах, которые, в свою очередь, пугаются подобной спешки, кидаются врассыпную, путаются, перемешиваются между собой, забиваются в дальние углы, а то и вовсе покидают черепушку своего обладателя. Но надо мной поизгаляться преподу не удалось. На все его: «а вы уверены...?» В ответ звучало спокойно, даже безразлично: «уверена». За сие хладнонервие, по видимому, я и получила свою десятку. А вот моей «преемнице» явно не поздоровилось: одnogруппница, отправившаяся «на допрос» после меня, во время устных ответов всегда так волнуется, что даже начинает заикаться. На ней сядюга препод наверняка отыгрался! Бедняжка Мигле!

Что ж, экзамен остался позади, и теперь ожидало задание посложней: без лишних объяснений улепетнуть от Вики.

– Викусь, мне надо бежать! Когда экз. закончится — прихвати мою зачётку! Спасибо! — кинула я ей и пустилась наутёк.

– Милка, а как же наш кофе??? — полетело мне вслед. Это было уже традицией: кофе и сладкая булочка — стандартная постэкзаменационная трапеза, призванная восстановить нарушенную нервотрёпкой душевную гармонию.

– Извини, спешу! — крикнула я через плечо.

И, дабы не вдаваться в подробности — спешу куда и зачем, дала «полный вперёд!». Судя по мелкой дробе за спиной, подруга пыталась догнать, но безуспешно — шпильки

ведь для спортивной ходьбы не предназначены!

По пути домой я заскочила в магазин и хорошенько потратилась — у нас в холодильнике завсегда пусто (ну, не учитывая дни после праздников). Потом я пыталась ТИХО-О-ОНЕЧКО отпереть входную дверь. Само собой, приятного сюрприза в виде готового ужина к маминому пробуждению не получилось. Она пробудилась гораздо раньше, когда мы с котомками, пытаясь зайти крадучись, запнулись о порог, потеряли равновесие и с диким грохотом ввалились в прихожую.

Пришлось рассказать, в честь чего намечается банкет. Возражений не последовало, восторгов — тоже. Мама позволила дочке хозяйничать, а сама уединилась с телевизором, похоже, рассердившись, что её разбудили.

Из меня кулинар, мягко говоря, никудышный, потому лучше было не мудрить и просто запечь курицу; а чтобы меню казалось поразнообразней — настрогать два салата (приготовление которых мне неплохо удаётся).

Когда часы отметили вечернюю пору, стол был накрыт по полной программе, а мои нервы взвинчены до предела. Удастся ли выкрасть у профессора мобильный? Найду ли я там номер Влада? Как оправдываться, если застигнут с личным? И что, собственно, мне потом с этим заветным номером делать? Неужели же звонить мужчине первой??? Или писать эсэмэску? Это ведь неприлично... Хотя, на дворе ведь четвёртый год двадцать первого века... Притворюсь

продвинутой эмансипе! Вот только как той эмансипе начать разговор или сообщение??? Надо же придумать повод... Весь этот рой вопросов уже битый час терзал мою недоспавшую голову. Я мечтала, чтобы профессор поскорее уже возник на пороге, а там уж будь, что будет! Увы, профессор запаздывал, что, надо отметить, ему обычно не свойственно. На часах была половина седьмого, хотя уговаривались мы на шесть. От нечего делать я уставилась в окно, будто бы бдительная слежка за въездом во двор могла ускорить профессорские темпы. Однако, нетерпеливый взгляд и мысленные мольбы не Шиманского вызвали, а громадную свинцовую тучу. Она выползла из-за крыши соседнего дома, зацепилась набрякшим пузом за какую-то антенну, распоролась и рухнула на город миллиардами белых хлопьев. Снегопады в конце марта по меньшей мере раздражают... Наблюдая из окна, небо казалось непроглядно серым, вязким, но стоило высунуться наружу и задрать голову — происходило чудо — обыкновенная туча вдруг становилась волшебной бесконечностью, из глубин которой живым фонтаном били снежные искры.

— С ума сошла?! — окликнул возмущённый мамин голос. — Сейчас же закрой окно! Холод собачий!

— И вовсе не холодно! — буркнула я, хлопая оконной створкой. — Весна на дворе!

Мама вдохнула поглубже, готовая читать мне нотацию, но её перебил звонок в дверь.

– О! — воскликнула она. — Вот и Петя!

Мама помчалась отпирать, а я высунулась во вновь открытое окно, пытаясь высмотреть Мерседес. По видимому, профессор шёл пешком. И очень быстро шёл, надо заметить, раз успел проскочить, пока я снегом любовалась. Бежал, что ли? Возможно, мне померещилось, но в стекле соседского автомобиля, припаркованного на углу дома, отразился тёмный контур иномарки Влада. Желая разглядеть его получше, я подалась вперёд слишком резко и чуть не вывалилась на улицу. Ловя равновесие, пришлось перевести взгляд на подоконник, и, естественно, когда я вновь посмотрела на соседскую машину — никаких подозрительных отражений в её стёклах уже не наблюдалось. От предположения, пускай ничем и не подтверждённого, что крестного к нашему дому подвозил Влад, моя голова принялась не в шутку кружиться.

– Привет! — раздалось вслед за дверным скрипом. — Простите за опоздание!

Обычная картина: профессор в аккуратной, под цвет пальто — тёмно-серой шляпе, с букетом роз в одной руке, и с кондитерской картонкой — в другой.

– Ничего страшного! — просияла мама, принимая цветы. — Главное, что ты всё-таки пришёл! Закрой окно! — последнее уже адресовано мне.

– Как экзамен, студент? — подмигнул профессор.

– Десятка, — ответила я без энтузиазма.

– Молодец! Хвалю!

С этими словами Шиманский снял шляпу, пригладил редкие волосы и принялся расстёгивать пальто. Я, подобно мелкому воришке, впилаась взглядом в его карманы. Вроде бы, в правом что-то блеснуло... Телефон?! Да, конечно, иначе и быть не может, ведь у пуловера, в который облачён наш гость, карманов не водится, а нагружать карманы брюк — не в профессорской манере. Ура! Тот факт, что телефон Шиманского будет находиться в прихожей, без особого примотра, всё очень упрощал.

Пётр Павлович — не просто крёстный, он уже много лет безответно влюблён в мою маму; обо мне он заботится, как о родной дочери, и, кажется, до сих пор не теряет надежды, что однажды мы назовёмся настоящей семьёй. Интеллигентный, в меру упитанный человек среднего роста и возраста, с приятным округлым лицом и лучистыми серыми глазами. Он безумно рад любой возможности повидаться, а когда получает приглашение на ужин, то и вовсе светится, будто лампочка. Не было ли мне в тот вечер перед ним стыдно? Было! Чертовски стыдно! Но стыд не умалял желания снова увидеть Влада.

Ужин тянулся час. Шиманский рассказывал какие-то весёлые истории, но я почти ничего не слышала. К счастью, рассеянность внешне себя никак не проявляла, и мне даже удавалось хихикать в тему. Трудно сказать, о чём я думала. Пожалуй, ни о чём. Просто сидела и задыхалась волнением.

Когда настало время чаепития, в голове пробило: «Пора!»

– Мам, давай уже опробуем новый сервиз? А то он так и простоит на полке до окончания дней.

– Хорошая идея! — улыбнулась мама. — Тащи его сюда!

Повод для отлучки был найден. Я покинула пределы кухни, заботливо прикрыв за собою дверь, и метнулась в прихожую. Рука бессовестно нырнула в профессорский карман, с ловкостью щипача выудила оттуда старенький мобильный. Миг, и я уже в маминой комнате, мысленно повторяю: «Только бы не застучали!» Пульс колотил в висках бешеной дробью, перед глазами всё плыло, руки тряслись... «Где же в этом аппарате список адресатов? Какой идиот придумал такое путанное меню?!» Благодарение небесам, что клавиатура была выставлена на тихий режим, иначе бы мне не удалось так бесцеремонно жать на все кнопки подряд... «Есть! Вот и телефонная книга! Заветная буква В... Валдис, Вацлав, Вилкаускас, Виолетта... и ещё дюжина ничего не значащих имён... Влад!!!»

– Мила, ты скоро? — позвала с кухни мама.

– Да-да, уже иду!

Через пару секунд мобильный вернулся в карман профессорского пальто, а я стояла на пороге кухни, бережно держа в руках коробку с новеньким чайным сервизом. Под левым рукавом моей кофты скрывались таинственные девять цифр, записанные (прости, мамочка!) маминым косметическим карандашом.

Предплечье горело, будто краденый номер был выведен не мягким грифелем, а иглой для татуажа. И теперь я молилась, чтобы профессор поскорее ушёл. Больше всего хотелось запереться в своей комнате, перенести заветные цифры в более надёжное место, чем собственная кожа, и собраться наконец с мыслями.

Но гость не торопился, и мои мучения тянулись ещё два часа. Старшие завели спор на тему эвтоназии (чёрт знает, как их туда занесло, я в разговоре на тот момент не участвовала, а когда очнулась — было уже поздно). Мама высказывалась за то, что человек с безнадежным диагнозом имеет право на самовольный уход из жизни, профессор же был категорически против, так как, во-первых, являлся верующим, а во-вторых, был уверен, что узаконенная эвтоназия в нашей стране привела бы лишь к банальным убийствам ради наследства. Оппоненты рьяно отстаивали каждый свою точку зрения, сыпали нескончаемыми аргументами, активно жестикуют и даже стучали по столу, — в общем, я влипла. Поначалу я пыталась слушать, и было даже интересно — мама поведала пару историй из своей практики, о которых ранее не упоминала. Но когда профессор начал ссылаться на священное писание и какого-то китайского философа, мой мозг объявил бойкот. Не люблю напыщенных речей, приправленных заумными цитатами, — это отдаёт проповедью. Несколько минут я «развлекалась» тем, что соби-

рала грязную посуду и мыла её, потом пришлось вернуться к столу. По истечении второго часа оживлённой дискуссии нервы мои не выдержали, и я молча удалилась в свою комнату. По счастью, этого дезертирства никто не заметил.

С кухни долетали фразы вроде: «Аня, давай посмотрим на это с другой стороны...» «Ты лучше представь себя совершенно больным — захочешь заживо разлагаться?!» «Ты выслушай...» «Это ты послушай!» Я попросила небо проследить, чтобы старшие не подрались в моё отсутствие, и отключилась от посторонних раздражителей. Звонить Владу было боязно. Куда как менее пугало отослать эсэмэску и терпеливо ждать ответа... Но что, если ответа не последует? Вышло, что звонок всё-таки лучше: снявший трубку хоть парой фраз да перекинется пусть и с не очень желанным собеседником. К тому же, по голосу я бы смогла понять его реакцию: радость, недоумение, презрение, безразличие — вариантов много. Да только я не знала, как начать разговор. Красиво соврать у меня бы не вышло и пришлось бы сказать правду: «Выкрала у профессора твой номер, потому что хочу с тобой увидеться!» От такой перспективки под ложечкой что-то скрутилось в холодный узел. Тогда я обратила внимание на время. Была половина десятого. Час, как говорится, детский, но, с другой стороны, куда как вежливее было бы дожидаться завтрашней послеобеденной поры. От решения перенести непростую беседу на завтра дышать стало легче и мой слух снова стал восприимчив к действительности. И я

поняла, что с кухни не долетает ни звука... «Уж не убила ли мама несогласного с истиной?!»

– Мила? — позвали вдруг хором два голоса. — Ты где?

глава 4

Ночь выдалась не то что бессонной — она была кошмарной! Стоило сомкнуть ресницы, и предо мною представал изумрудный океан. Я тут же распахивала глаза, старалась больше не впадать в дремоту, рассматривала тени на стене, и... О, ужас! Они сползались друг к дружке, изгибались, извивались, постепенно сплетаясь в девятку цифр. У меня хорошая зрительная память, и, записав телефонный номер лишь пару раз, я запомнила его наизусть. Так я и маялась часы напролёт: то цифры повторяла, то барахталась в изумрудной бездне. И всё из-за Влада! Тогда меня почти не волновало, кто он на самом деле. Это было до дикости не по-моему, но, тем не менее, это было так. Я была готова идти за ним, к нему, следом и т. д. хоть на край земли и хоть в огонь и в воду. Короче говоря, накрыла меня ночная шизилетка.

Стоит ли удивляться, что рассвет я приветствовала одной из первых, будто закоренелый жаворонок. Мама аж подпрыгнула от неожиданности, когда вошла на кухню и увидела там меня в обнимку с кофейной кружкой (к слову, третьей по счёту).

- Ты что тут делаешь? — спросила мама.
- Кофе пью, — констатировала я без того очевидное.
- А почему не спишь, ещё ведь только семь?
- Пытаюсь войти в здоровый циркадный ритм.

– А-а. Похвально, если правда так.

– Какие планы на сегодня? — решила я сменить тему.

– Иду с Марго по магазинам. Присоединишься?

– Нет, увольте.

– Жаль. Хватит цедить кофе на пустой желудок!

Мама принялась замачивать в кастрюльке крупу с сухофруктами, и я поняла, что надо срочно линять, пока меня не нашпиговали этой здоровой пищей.

За окном было солнечно и довольно тепло — вполне приемлемая для прогулок погода. Мамино возмущение насчёт моего пустого желудка было безграничным, но я стоически вынесла все уговоры и провокации, и через пять минут уже с наслаждением вдыхала мартовское утро.

Куда податься? Да какая разница! Я решила идти наугад: дескать, вдруг свершится одно из тех киношных чудес, когда главный герой бесцельно бродит по улицам и случайно набредает на объект своей страсти? «А ведь мне уже двадцать!» — пожурила я саму себя — «Поздновато верить в подобное мыло... Стыдно, Мила, стыдно! Выходит, я из тех, кто не взрослеет по-настоящему, а только делает вид.»

Солнце слепило тёплыми лучами, под ногами хлопала снежная каша, местами на асфальте ещё блестел лёд, на обочинах ютились остовы запылённых сугробов, дававшие начало мутным талым струйкам. Я пьянела от этого свежего, чуть нагретого солнцем воздуха, от запаха весны, от ясно-го-

лубого неба, от ожидания непонятно чего и желания бежать неизвестно куда, и на какой-то час даже перестала нервничать. Но когда с краёв к центру небосвода начали сползаться облачка, а ноги окончательно промокли, мандражка вдарила с утроенной силой. До полудня оставалось полчаса и больше ждать было нечего — настала пора телефонных бесед.

Дрожь от колен мгновенно передалась по всему телу к кончикам пальцев. Как же плохо быть слабонервной! Итак, выживаем из кармана телефон, отыскиваем в контактах заветный номер... Глубокий вдох... Нажимаю «звонить» и подношу телефон к уху. Три бесконечных гудка, и... вызов сброшен...

Такого я не ожидала, хотя ожидать должна была — человек видит чей-то незнакомый номер и тут же сбрасывает его, не желая общаться с неизвестными. Оставалось уповать на то, что Влад когда-нибудь перезвонит... «А если нет? Тогда напишу эсэмэску!» — решила я. — «Но не сейчас, а позже, к вечеру!»

Домой я приплелась в ужасном настроении. Влад так и не перезвонил, что означало — моё вечернее унижение в виде самонавязывания путём сочинения сообщения неизбежно. Деваться некуда — вечером я поступлюсь всеми своими моральными принципами и понятиями приличий.

Мама оставила записку, что вернётся завтра утром: Марго передумала и вместо шопинга пригласила её к себе на дачу «жарить шашлычки». Вполне в мамином стиле — нико-

гда больше двенадцати часов дома не пробудет. Ну да и ладно! Сейчас её отсутствие было даже кстати — учитывая мои нелёгкие вечерние планы, нуждавшиеся в сосредоточенности и тишине.

До сумерек время ползло со скоростью больной улитки. Я успела послоняться по квартире, вымыть полы, посуду, принять душ, приготовить ужин, к которому даже не притронулась, а часы только соблаговолили отметить половину седьмого. И вот теперь я сидела на подоконнике, смотрела на умирающие закатные лучи и решала дилемму: писать sms или забыть всё, будто дурной сон?

«Привет, это Мила, мы виделись ночью на шоссе...» — нет, так писать точно нельзя! — «...ты подвозил меня ночью домой...» — ещё «лучше»! — «...спасибо за спасённый студенческий — я только что выяснила, какой бы волокиты стоило приобретение нового...» — ну и напишет он «пожалуйста», и дальше что? Нет уж, назвалась, как говорится, груздем, так и отправлюсь прямиком на сковороду! Представлюсь для начала, потом напишу, что хочу увидеться. Станет отнекиваться — ситуация ясна, а согласится — умру в одночасье от:

- 1) радости
- 2) волнения
- 3) незнания, что надеть!

Или же могу, как некоторые выражаются, забить, понять, что ничего мне с этим красавцем не светит... А почему, соб-

ственно, не светит? Ведь я пока ещё ничегошеньки о нём не знаю, а вдруг мы созданы друг для друга? Выходит, сочинение sms неизбежно! И хватит время зря терять! Итак...

«Привет! Это Мила. Мне бы хотелось снова тебя увидеть. Может, пересечёмся, если ты сейчас не занят?» — пожалуй, идеально!»

Отправить сообщение я не успела — телефон разразился мелодией входящего звонка, и звонок этот поступил с того самого номера, что всю ночь терзал мою память...

– Аллё? — «голос, предатель мелкий, дрожит!»

– Мила? Привет! — окутал меня знакомый бархатный тембр.

Влад извинился: сказал, что весь день был очень занят, и в тот момент, когда я звонила, не мог ответить. А дальше — как в несбыточном сне: спросил, есть ли у меня планы на вечер, и, услышав, что нет, пригласил на свидание! Обещал заехать через час...

«Ну и что, чёрт побери, надеть?! Платье? Нет, ведь неизвестно, куда мы направимся, а погода, мягко сказать, прохладная. Джинсы, что ли, выбрать? А почему, собственно, и нет? Если вместо свитера надеть белую блузку, то получится вполне повседневный, но в то же время очень свежий образ. К тому же, нельзя показывать, что я готовилась к встрече и прихорашивалась — нечего выказывать свою заинтересованность... Хотя, моё счастливое волнение никак не скрыть: глаза его с потрохами выдадут — не просто сияют, а горят

синим пламенем!»

Я подкрасила ресницы, полоснула по губам красной помадой, тут же стёрла это «роковое» безобразие, хорошенько расчесала волосы, которые решила оставить распущенными для более романтического облика, и, спустя четверть часа, уже была полностью готова к выходу. И целных сорок пять минут оставалось на тихий съезд с катушек от нетерпения и волнения.

«Что-то как-то не по себе,» — шептало мне моё же сознание, — «отправляюсь куда-то с каким-то малознакомым парнем, никого не предупредила...»

«Ну не маме же, в конце концов, объявлять, что её доча на свиданку собралась на ночь глядя!» — парировала я, — «А кому ещё? Вике? Ну да, а потом рассказывай ВО ВСЕХ подробностях: где были, о чём говорили, как познакомились... Нет уж! Оставим это в тайне. Строжайшей!»

Спустя двадцать минут я была готова взорваться, лопнуть, сгинуть и всю оставшуюся жизнь изучать биохимию, лишь бы только часы поторопились! Уж больно много страхов и сомнений скопилось в голове. Я искала от них спасения: на кухне, в ванной, в маминой комнате, потом — в своей, и, наконец, нигде не найдя успокоения, прикинула к оконному стеклу. И чуть не вскрикнула от неожиданности: в расхлюпанный оттепелью двор на всех парах вкатилась похищенному стройная иномарка, та самая, что доставила меня домой той сумасбродной ночью.

Почему-то стало очень страшно. До ужаса. Как в детстве, когда под утро снились кошмары. А другое, более взрослое и самоуверенное чувство погнало вон за порог. Лестничный пролёт, другой... «Стоп! Я ведь чуть ни вприпрыжку бегу — сейчас дыхание собьётся, и *он* поймёт, что я не спускалась, а слетала!» И пришлось, вопреки всем порывам, переждать несколько секунд на лестничной площадке, привести пульс и мысли в норму, лишь потом отправляться вниз о-о-очень неспешно. Благо, что никто из соседей не задумал на тот час курить, жарить лук на сале или просто казать нос из квартиры, — был шанс сохранить запах духов и вечернюю тайну.

Мучительно медлительно я добралась до входной двери, осторожненько её приоткрыла и шагнула на крыльцо, надеясь, что *он* не сразу меня заметит и будет пара секунд дабы проветриться и остудить накалённые эмоции. Воздух был чарующим, хладно-пряным, снежно-зелёным, беспокойным, промозглым и тёплым одновременно, а по просвету в небо-своде карабкалась жёлтая луна. Часы едва отметили семь.

– Мила, — позвала бархатная ночь. — Привет!

– Влад? — я не поняла, откуда передо мной возник этот двухметровый силуэт, но луна спряталась за его античными плечами. — Не ожидала, что ты появишься так быстро...

– Зачем же тогда ты вышла на улицу?

– Увидела в окно твою машину, — призналась я.

– А номер моего телефона у тебя откуда?

– Выкрала из профессорского мобильного... — «жаль,

что не могу видеть его глаз...»

— Вот как... — «понять бы, что эта интонация означает...»
— Идём! — моей рукой завладела тёплая ладонь. — Твои соседи нас вместе видеть не должны!

Каким бы нежным ни было его прикосновение, к иномарке я решила не спешить.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему соседи не должны нас видеть?

— А тебе нужны пересуды? — пожала плечами прекрасная тень.

— Нет.

— Тогда идём скорей.

И я повиновалась. Наверное, это неразумно — так безропотно садиться в машину к совершенно незнакомому человеку. Но я уже уселась, и Влад прикрыл за мною дверцу, и ремень безопасности оказался уже пристёгнутым, — короче, паниковать было поздно.

Мотор заурчал, иномарка сорвалась в темноту. Пару минут мы молчали, что немного напрягало, но потом я стала задавать какие-то легкомысленные вопросы, и Влад постепенно разговорился. Конечно, о себе он не сказал ровным счётом ничего, но зато я узнала парочку любопытных фактов из профессорской биографии, о которых сам Шиманский, почему-то, никогда не упоминал. Так, за без малого четверть часа мне стало известно, что крёстный мой пи-

шет весьма недурные стихи и сочиняет очень хлёсткие эпиграммы на коллег и знакомых. И одна из таких эпиграмм чуть было не зарубила на корню всю его карьеру. Как-то давным-давно, ещё в юные годы, докторант Пётр Шиманский накатал очень язвительное четверостишие, в котором высмеивал ни кого бы то ни было, но своего на тот момент непосредственного научного руководителя. Эпиграмма попала в руки какому-то «доброжелателю», и таким образом дошла до высмеиваемого в ней академика. Последний на беду обладал не только рядом досадных изъянов, но и огромной, сплошь ранимой гордыней. И, не вступись за талантливого докторанта сам декан, то не видать бы Шиманскому своей диссертации как собственных ушей!

Когда мы подъехали к городскому центру, Влад поинтересовался, куда бы мне хотелось направиться, и я, кажется, сильно удивила его пожеланием прогуляться по набережной... В общем, репутацию чокнутой я себе уже заработала: шастаю в полнолуние по загородным трассам, краду телефонные номера, а свидания назначаю не в кино и не в кафе, как бы сделала нормальная, адекватная девушка, а под открытым небом, в самом холодном и сыром месте в городе... Но мне просто не хотелось попадать в те неловкие ситуации, что связаны с оплатой всяких там кафешно-киношных счетов: я не знала, как следует поступать в таком случае — позволять платить за себя мне принципиально претило, а рьяные настаивания на оплате счёта пополам могли

уязвить самолюбие Влада, да и меня саму выставить закомплексованной чудачкой.

Мы оставили машину на стоянке, а сами направились к набережной. Тут было красиво. По-своему, по ранневесеннему. Расчищенный асфальт тротуара тёмно-матовой лентой окаймлял белесый от подтаявшей наледи берег; лилово-синее небо, по краям озарённое рыжиной городских фонарей, трепетало и рябило над водою зыбкими, поспешными облачками, и казалось, что это оно стало жертвой полноводия, и что это оно вынуждено бурлить и спешить куда-то вдаль, в то время как надменная глянцева река стоит на месте.

Воздух был промозглым от влаги, беспощадным в своей способности проникать под верхнюю одежду и пробираться до костей. Мы прошли немного вдоль берега. Разговор не клеился. Влад смотрел на меня приветливо, но отрешённо, как смотрят люди, погрязшие в собственных раздумьях, на вопросы отвечал односложно, убивая тем самым все попытки снова разговорить его. В результате я тоже умолкла, остановилась у берегового откоса и занялась созерцанием вечернего пейзажа. Мой спутник некоторое время стоял чуть поодаль, а через пару минут подошёл ближе и взял меня за руку. Я глянула на него вопросительно, но тут же отвела глаза — не выдержала сеанса изумрудного рентгена. Нет, я не преувеличиваю — этот парень смотрел так, будто бы мысли мои читал! А те, надо заметить, были одурманены, восхищены, очарованы и наивны до дурости — такие луч-

ше было не демонстрировать! Так, рука в руке, молча глядя на воду, мы простояли, как мне показалось, целую вечность. Но вдруг Влад издал обречённый вздох.

— Красивый перстень, — как-то слишком холодно произнёс он. — Любимое украшение? Вижу на тебе в третий раз.

Я не сразу поняла, что речь идёт о моём кольце.

— Это подарок профессора, — кивнула я. — Для меня это что-то вроде оберега, талисмана.

— Оберег, — Влад усмехнулся. — Веришь в такие вещи?

— Верю. А ты, как понимаю, — нет? — мне не нравился этот насмешливо-скептический тон.

— А я, как ты правильно понимаешь, — нет. Итак, — объявил он, — действие второе, сцена первая: те же и облечённый праведным гневом Шиманский!

— Что???

Но объяснять Владу не пришлось: через миг моё внимание привлёк сердитый хриловатый оклик. Непонятно откуда взявшийся тут профессор надвигался на нас с несвойственной ему поспешностью, на ходу извергая цензурные, но оттого не менее обидные ругательства.

— Я лучше пойду! — шепнул Влад и действительно развернулся и пошёл прочь.

Дальше всё было похожим на неприятный сон: Влад ушёл, бросив меня на растерзание разъярённому крёстному, и последний буквально силком, едва не вывихнув мне руку, уволок с набережной «глупое, легкомысленное создание, за ко-

торым нужен глаз да глаз!», затолкал в свой Мерс и повёз домой. Всю дорогу он читал какие-то невнятные, но дико гневные нотации, обзывая меня то желторотой дурочкой, то слабомыслящей малолеткой. Однако, в чём же, собственно, состоит моя вина, — так и не сказал. Я терпеливо молчала, не желая злить его ещё больше и тем самым подвергать наши жизни опасности: как выяснилось, под воздействием эмоций мой крёстный забывает правила дорожного движения. Но когда мы наконец доехали до дома и вышли из машины, то я потребовала объяснений. И тут Шиманский взбеленился пуще прежнего. О сцене, разыгранной им во дворе нашего дома, даже вспоминать не хочется — такого безобразного скандала мне ещё никто никогда не закатывал. Ужасно стыдно перед соседями — в отличие от Влада, профессор не заботился о покое прочих, и его хриплым крикам внимала вся округа. Мои попытки призвать профессора к порядку ничем не увенчались, и, устав от его яростных угроз, я просто молча скрылась в подъезде. К счастью, у крёстного хватило уму-разуму не направляться следом. А из полетевших мне вдогонку бессвязных выкриков я поняла лишь, что всё будет рассказано маме, и отныне мне непозволительно выходить из дому после шести вечера.

Вспомнился Владов наказ не говорить о нашем знакомстве, иначе профессор «взбесится»... вот, похоже, и впрямь взбесился! Но ведь я ещё ничего и никому не говорила! И вообще в толк не взять, откуда Шиманский узнал об этом сви-

дании!

Ещё пару минут он наматывал по двору нервные круги, периодически поглядывая на наши окна, потом сел-таки в свой Мерс и уехал.

«Психопат великовозрастный!» — распалаясь я в уме, — «Маме он де всё доложит! Ну и докладывай! Мне уже двадцать! Куда хочу, туда хожу, и с кем хочу, и во сколько хочу! Ясно вам, Пётр, чтоб вас... Павлович! Отчитал, словно малолетку! Тоже мне, воспитатель нашёлся! А Влад... А этот пусть даже не надеется, что я ему ещё позвоню, что захочу его видеть, что вообще ещё хоть раз о нём вспомню! Трус! Бросил меня, оставил наедине с этим быком рассвирепевшим! Всё! Сейчас и номер его из списка адресатов сотру!»

Но мобильный, за который я схватилась, дабы привести приговор в действие, уже высвечивал сообщение: «Мила, пожалуйста, прости, что всё так получилось! Я ушёл, потому что иначе Пётр разозлился бы ещё больше. Можно, я тебе позвоню?»

«Что ж,» — согласилась я, — «доля правды в этом есть — вряд ли бы присутствие Влада смягчило профессора... И, к тому же, Влад оставил меня тет-а-тет не с каким-то там незнакомым психом, но с моим же крёстным, который, как бы ни сердился, а вреда мне точно не причинит... Ну вот, я уже и оправдываю этого красавца!.. Ладно, так и быть, пускай позвонит!»

И пока я раздумывала, отвечать Владу сейчас же или по-

изображать ещё немного оскорблённую гордыню, телефон запиликал.

– Аллё, — я хотела звучать холодно, но в результате только неестественно пробасила.

– Это я, — «ох, до чего же красивый голос!» — Ты не ответила... Но, может, мне всё же удастся заслужить твоё прощение? Пожалуйста, скажи, что мы ещё увидимся!

Конечно же, я тут же оттаяла. Поначалу пыталась разыгрывать неприступность, но Влад вдруг сообщил, что уезжает завтра...

– Уезжаешь... Надолго?

– Ещё точно не знаю.

– Далеко?

– За океан. В Америку.

– Любишь путешествовать?

– Приходится.

– Удачного перелёта! — надеюсь, он не заметил, как сник мой голос.

– Вылетаю ранним утром, на месте буду к вечеру, и, если не возражаешь — тебе позвоню.

– Буду ждать! — следовало бы получше контролировать свои интонации — щенячий восторг просто очевиден!

– Тогда — до завтра? — возможно, я слышала то, чего самой хотелось, но эта фраза прозвучала с особой нежностью.

– До завтра!

глава 5

«Влад летит в Америку,» — думала я. — «Значит, рано утром он доберётся до Вильнюсского аэропорта, сядет в самолёт, следующий в одну из европейских стран, скорее всего — в Германию, там пересядет на огромный лайнер, который уже унесёт его за океан.

Завтра утром наши дождливые небеса осиротеют: загадочный Влад покинет их, и бездной его взгляда будут любоваться жители далёкого другого континента. Но вечером я снова услышу милый сердцу голос, и это — замечательно!»

Уснуть так и не получилось, но бессонница была иной: сладкой, нетерпеливой. В шесть утра я поднялась с постели, так и не сомкнув глаз, а усталости почти не чувствовалось. Попивая кофе, я смотрела на светлеющее небо и гадала: «Чем сейчас занят Влад? Едет в аэропорт? Проходит регистрацию? А может, уже сидит в самолёте? Может, он уже далеко от Литвы?» Я глянула на мобильный телефон: здорово, что прогресс так скор на всякие изобретения! Благодаря этой вещице сегодня я не грустила в разлуке с ненаглядным, а с нетерпением ждала прихода вечера и *его* звонка.

Время летело быстро, что радовало. Вскоре часы отметили девять. Небосвод стал понемногу затягиваться серыми облаками, и я решила прогуляться, пока не пошёл дождь. И тут в дверь позвонили. Это была не мама — она бы откры-

ла своим ключом, полагая, что я ещё сплю. Я с содроганием подумала, что это кто-то из соседей явился выразить «благодарности» за вечерние профессорские «концерты». К моему удивлению, на пороге стоял сам профессор.

– Привет! — сказал он. — Хорошо, что ты уже проснулась!

– Что, Пётр Павлович, вы вчера не до конца высказались? — процедила я.

– Я пришёл просить прощения... Можно войти?

Пришлось впустить его и забыть об утренней прогулке — пытаюсь задобрить крестницу, Шиманский принёс с собою свежие булочки. Так что было чаепитие и куча извинений за вчерашнее недоразумение. «Недоразумение» — так профессор назвал собственную вчерашнюю истерику. Когда я потребовала всё-таки объяснить, **что** же именно так взбесило моего крёстного, он пробормотал нечто невнятное о трудном дне и каких-то там сплетнях, непонятно кем и по какой причине распускаемых. В общем, Шиманского разозлила наша с Владом встреча, но почему-то он не хотел в том признаваться. Что ж, не раскрыла всех карт и я, и сделала вид, будто во всё поверила и всё простила. И ещё цельных три часа ломалась комедия под названием «мы с Шиманским помирились». Когда профессор наконец соизволил удалиться, было глубоко за полдень, и с отяжелевшего неба вот-вот обещало хлынуть.

И хлынуло, конечно же, лишь только я отошла от дома

на приличное расстояние. Благо, что прихватила с собою зонт. Короче: спасибо, Пётр Павлович, за ваше умение быть некстати!

Тёмный, промокший до нитки парк тянул к небу голые ветви, взывая к вожделенному солнцу. На прошлогодней траве ещё лежали снежные островки, земля выдыхала остатки холода. Я наконец-то позабыла о Шиманском, перестала раздражаться и предалась весеннему бездумному блаженству. Была какая-то особая прелесть в этом недвижимом, влажном воздухе и чёрно-сером пейзаже — они тоже ждали: вместе со мною ждали перемен к лучшему, ждали чуда и всего того волшебного, что, казалось, непременно должно произойти.

Мама вернулась около шести вечера, отказалась от ужина (и для кого я только старалась?), приняла таблетку от головной боли и отправилась спать. Видимо, они с Марго неплохо погуляли! Честно признаться, я побаивалась, что профессор всё-таки уведомит её о моих вечерних похождениях, но, ко всеобщему спокойствию, этого не случилось.

Я забралась на подоконник и стала ждать. Влад сказал, что позвонит вечером, но не уточнил, которым: нашим, или американским? Если второй вариант, то мне ещё пять-шесть часов предстояло не спать. Впрочем, с этой задачей я без труда бы справилась, но просто безумно хотелось услышать его голос. Поскорее!

— Позвони мне! — шепнула я дождевым облакам. — Слышишь? Позвони сейчас же!

И в этот самый момент мобильный, сжимаемый моей нервной ладонью, вздрогнул.

И с тех пор и до конца апреля ни один вечер не обошелся без долгой телефонной беседы. И именно тот период и был самым счастливым во всей этой истории. Радости не омрачала даже биохимия. Я плохо разбиралась в сложных формулах, и, если честно, не совсем понимала: ЗАЧЕМ, например, терапевту, знать все эти ветвистые химические превращения, едва вмещающиеся в лист формата А4? Не больше ли пользы бы было от изучения обычных кардиограмм? К счастью, лучшая подруга, которая щёлкала эти пятиярусные шифровки, как орешки, оказывала неоценимую помощь (т.е. решала за меня все контрольные), и мой аттестат сильно не пострадал. Да, то было непривычным для меня положением, когда приходилось не традиционно подсказывать кому-то, а наоборот самой пользоваться чьими-то подсказками.

Так, отмучившись с утра и до обеда абсолютно непонятной мне наукой, я спешила домой, выполнять (ну, пытаться выполнить) домашние задания, которыми нас, будто школьников, «радовала» садист-преподавательница. А после с замирающим сердцем я ждала звонка от Влада. О чём мы только ни говорили! Начиная классической литературой и заканчивая обсуждением жёлтых новостей. Раньше я и не по-

дозревала, что можно час проболтать по телефону и даже не заметить, как пролетело время! С Владом неинтересных тем просто не существовало, и даже банальнейший разговор о погоде казался каким-то особенным. Жаль лишь, что он почти ничего не рассказывал о себе. Удалось вызнать только, что ему двадцать пять, что он тоже, как и профессор, увлекается генетикой, в этом году заканчивает магистратуру. Родился и детство провёл в Польше, потом, как он сам выразился, «помотался немного по свету», а в Литве обосновался совсем недавно. На том — всё. Любую беседу, заведённую мною издалека и «вдруг» коснувшуюся личных тем, Влад мастерски переводил в другое русло, а от вопросов в лоб просто отшучивался. Зато с удовольствием и очень красочно описывал свои путешествия, страны, в которых побывал (он почти полмира объездил!). И, хоть я и не обладала равноценным запасом информации, но быть немой слушательницей мне всё же не приходилось: Влад очень интересовался моим мнением, по поводу всего на свете, насчёт каждой мелочи. Порою даже не по себе становилось: он так внимательно выслушивал мои рассуждения на ту или иную тему, будто бы общался не с обычной студенткой, а с признанным философом.

Рекордное время нашей болтовни — два с половиной часа. И, помнится, мне всё равно было мало.

В тот период я даже от бессонницы исцелилась — пожелание доброй ночи, так тепло и нежно произнесённое этим

бесподобным голосом, действовало лучше любого снотворного. Я засыпала, вспоминая изумрудные глаза, я видела их во сне, а утром просыпалась абсолютно счастливой, потому что знала: вечером *он* снова позвонит.

Месяц минул незаметно. Солнце вспомнило о существовании нашей маленькой страны и с лихвой компенсировало все свои прошлые отлучки. Отметки уличных термометров не опускались ниже пятнадцати тепла, и природа зеленела, будто в ускоренной съёмке. Вместе с моею влюблённой душой.

глава 6

В тот день я кое-как сдала биохимический экзамен. Вику, увы, от меня отсадили, и пришлось справляться своими силами, которые, как выяснилось, едва натягивали на семёрку (весьма непривычная для меня отметка!). Благо, контрольные работы составляли тридцать процентов от общего балла — в зачётку мне вписали девятку, а это значило, что нет риска лишиться стипендии.

А вечером Влад позвонил раньше обычного и разговор наш, не длившийся и трёх минут, оставил после себя крайне неприятный, тревожный осадок. Голос Влада был уже иным — лишённым прежнего тепла, чужим каким-то, нервным. Он спросил первым делом, всё ли у меня хорошо, велел почему-то быть осторожнее, а затем сообщил, что возвращается в Литву. Конечно, глупым было выпытывать, не случилось ли чего, — Влад и раньше не посвящал меня в ход своих текущих дел. Но когда он ещё и не ответил, каким рейсом прилетает, дурное предчувствие окончательно во мне укоренилось. На том счастливая пора и кончилась.

Бессонница вновь торжествовала — я зачем-то ждала повторного звонка от Влада, или хотя бы эсэмэски, но телефон равнодушно молчал. «Он ведь спит!» — наконец очнувшись от нокаута мой разум. — «Конечно, ведь в Америке уже вечер, и Влад, наверное, лёг пораньше, чтобы набраться сил

перед изнурительным перелётом. И вообще, даже бодрствующий человек, если только он прилично воспитан, не станет без причины разряда „экстра“ названивать кому бы то ни было, зная, что у того кого-то на часах три ночи. Возможно, он вспомнит обо мне утром!» Успокоенная этой мыслью, я наконец сомкнула ресницы.

Спалось плохо. В тревожной полудрёме грезилась изумрудные глаза и звонок мобильного, я то и дело просыпалась, смотрела на безжизненный экран телефона и снова и снова убеждалась: приснилось! Когда небо отметилось первой зарницей, я уже глядела в окно, на розовеющие облака. «Может, самой написать коротенькое сообщение, что-нибудь вроде: „удачного перелёта!“? Нет, не стоит, могу показаться навязчивой. Надо подождать...»

Ожидания обманули, в отличие от дурного предчувствия. Влад так и не дал о себе знать. Поначалу я перепугалась ни на шутку — уж не случилось ли что-нибудь ужасное вроде авиакатастрофы? Но СМИ в тот день не упоминали ни об одном авиакрушении. Устав от пустых ожиданий, я отправила Владу sms. Отчёт об успешной доставке прилетел спустя пару минут, ответа же так и не последовало.

Вечер, потом другой, и следующий, — от Влада не было вестей. К сожалению, даже учёба не могла отвлечь моих мыслей: все серьёзные науки были пройдены, через месяц ждал один лишь единственный экзамен, и тот — по философии, а сейчас шёл абсолютно бесполезный период «зачётных»

циклов да факультативов, навязанных жаждающим отдыха студентам в принудительном порядке, что казалось обидным, даже оскорбительным: трудные, насыщенные по своей информационной нагрузке предметы у нас почему-то были сжаты до невозможности и запихнуты в до смешного узкие сроки, и аж голова перегревалась от непрестанной зубрёжки, но зато не особо кому нужные факультативы были «милостиво» растянуты на целых два месяца! — сущее издевательство над студенческими мозгами!

Минуло ещё три дня. И я решила: «Будь, что будет!» Набрала номер Шиманского, твёрдо намереваясь спросить, как дела у Влада. Профессор ведь должен был знать, по крайней мере, жив ли и здоров ли его знакомый.

– Приветик, студентик! — ответил крёстный с какой-то деланной весёлостью.

– Здравствуйте, Пётр Павлович! Я хотела спросить...

И осеклась, потому что где-то на втором плане в трубке бархатом прозвучало: «Пётр, тебя ещё долго ждать?»

Профессор грозно цыкнул, явно прикрыв трубку ладонью, и снова обратился ко мне:

– Что, Мила, что ты хотела спросить?

– Уже ничего, — шелестнула я и отключила телефон.

А потом рухнула на диван и разревелась, как корова. Я недоумевала, почему Влад так со мной обошёлся, почему он предпочёл игнорировать меня, почему просто не сказал открыто, что больше не хочет продолжать общения? Неужели

я казалась непонятливой прилипалой, от которой трудно отделаться?! Неужели заслужила такое неуважение к себе? Постепенно обида сменилась какой-то бесчувственной усталостью, я перестала всхлипывать, и, чтобы чуточку утешиться, поклялась никогда больше не вспоминать о Владе, хоть и понимала прекрасно, что клятвы этой сдержать не смогу.

Утро, разумеется, началось с завещанной бессонницей головной боли. Несмотря на погожий денёк и ласковое солнце, настроение было просто ужасным. Ещё ни разу в жизни мне так не хотелось кого-нибудь побить! А вернее — не кого-нибудь, а кой-кого конкретного... Но, поскольку я обещала больше не думать о нём, то и рукопашную пришлось отменить. А нервам моим пришлось довольствоваться обычной тихой ненавистью ко всему миру.

Стоя на остановке в ожидании автобуса, я мечтала оказаться на необитаемом острове, мимо которого никогда не проплывают корабли, — так не хотелось ни с кем говорить! И как назло ко мне прицепился какой-то дедок, решивший, что лучшей слушательницы ему просто не найти! Дедуля разглагольствовал о «нынешних беспорядках» и вспоминал дни своей золотой молодости, когда «у властей всё было под контролем», ворчал и ругал современные устои. В тот момент, когда я готова была закричать от раздражения, у остановки тормознул Мерседес Шиманского. Пётр Павлович ехал в центр по делам, и, само собой, не мог проехать мимо крестницы. Дедок-оратор провожал автомобиль,

похитивший его «благодарную» слушательницу, недобрым и до глубины души оскорблённым взором, а эта самая «слушательница», устраиваясь поудобней на пассажирском сиденье, воссылала небу щедрые хвалы за столь своевременное спасение.

Профессор тоже много говорил, но его складная речь была в разы приятнее ворчливой старческой логореи. В какой-то момент мне показалось, будто Шиманский чем-то расстроен, даже взвинчен, но пытается выглядеть весёлым, оттого и болтает без умолку. На попытки выяснить, в чём дело, он отмахнулся: всё я, мол, выдумываю, и никаких проблем у него нет! И я снова, раз уже, наверное, в тысячный, нарушила данную себе клятву, вспомнив о Владе, — уж не из-за него ли крёстный так обеспокоен? Пока я подыскивала слова, чтобы озвучить этот вопрос, ответ пришёл сам собою. У спуска с Зелёной горы столкнулись три легковушки, и движение встало. Томиться в пробке нам предстояло минут двадцать, никак не меньше. С моей стороны было бы глупым не использовать это время для разговора «по душам». Я вдохнула поглубже и уже раскрыла рот, но меня перебил телефон профессора, запевший голосом злого тролля. Шиманский глянул на экран и сбросил звонок. Телефон зазвонил снова. Шиманский не снял трубки, а лишь побагровел, как рак. На третий раз он не выдержал и ответил:

– Чего тебе надо?! — в буквальном смысле рявкнул он.

Связь была отличной, и я различила голос Влада... Он

что-то долго говорил профессору, говорил абсолютно спокойным тоном, но с каждым его словом Шиманский становился всё угрюмее, а под конец Владова монолога крёстный и вовсе побледнел, а на лбу и шее его проступили красные пятна.

— Хорошо, — процедил он сдавленным, полным ненависти голосом. — Жду тебя в семь, в «Красном кафе».

Влад сказал что-то (слов, к сожалению, мне было не разобрать), и Пётр Павлович взорвался:

— Вот именно: там — **ЛЮДНО!** Я не останусь с тобой наедине, без свидетелей! Я больше не верю в твои обещания, подлец! Понятно тебе?!

Профессор швырнул телефон на заднее сиденье, и тот разлетелся по частям.

— Гад! Вот гад! — рычал Шиманский, стуча кулаками о руль. — Какой же гад!

Кажется, крёстный на мгновение забыл о моём существовании, и вспомнил лишь, встретившись с моим испуганным взглядом.

— Прости! — сконфузился он. — Это один знакомый звонил... Мы с ним в ссоре.

— Из-за чего-то серьёзного? — только и сумела пролопотать я.

— Нет-нет! — помотал головой профессор. — Ничего особенного! Просто люди порой оказываются хуже, чем о них думаешь! Расскажи-ка мне что-нибудь весёленькое, ладно?

По счастью, пробка рассосалась быстрее ожидаемого, «ве-сёленькая» программа ограничилась парой анекдотов, над которыми профессор смеялся слишком старательно, и уже спустя десять минут я переступала университетский порог.

– Как ты себя чувствуешь? — это было первой Викиной фразой.

– И тебя с добрым утром!

– Да с добрым! Ты не заболела?

– Нет. Просто спалось плохо.

– Опять?

– Угу!

– Что с тобой происходит?

– Весна и всё такое. Да не смотри так, всё со мной в порядке!

– Ага, только под глазами черно!

– Чёрный нынче в моде! Что у нас за лекция по плану?

– Какой-то иностранный академик будет просвещать в вопросах эмбриологии.

– А это ничего, что эмбриология была включена в курс гистологии, который мы уже давно прошли?

– Почтить гостя должным вниманием велено **всем**.

– Супер! Следи, чтобы я не уснула.

– Всегда готова!

Я подошла к зеркалу гардеробной. Вика была права: недосып хорошенько меня «подмакияжил».

– Идём, — позвала подруга, — лекция будет в Большой

аудитории.

Аудитория, несмотря на своё громкое звание, для всего потока оказалась маловатой, и в воздухе уже парила удушливая влага, приправленная запахами духов и пота. Согнанные, словно овцы на слишком тесное пастбище, недовольные студентки как можно компактнее рассаживались по свободным скамьям, некоторые, не вместившиеся в деревянный ряд амфитеатра, устраивались прямо на ступенях, и випседушки, именуемые галёркой, само собой, были уже заняты.

Нам с Викой достались почётные места на втором ряду, под самым преподавательским надзором. То есть, мне ещё и поболтать с подругой не светило. Шансы уснуть от скуки росли.

— Попрошу тишины! — провозгласил забравшийся на трибуну преподаватель. — Дорогие коллеги, хочу представить вам нашего почётного гостя, профессора... — преподаватель бросил короткий взгляд на шпаргалку, после чего явно ломано произнёс какую-то сверхсложную фамилию и направился к своему месту в первом ряду, что находилось аккурат под моим.

Раздались вялые аплодисменты, на трибуну вскарабкался лысоватый мужчина средней комплекции.

— Сегодняшняя лекция будет посвящена эмбриологии. Просьба проявить должное уважение и внимание! — сказал преподаватель, присаживаясь.

Послышались механический треск и жужжание — разво-

рачивался висевший под самым потолком экран. Свет погас, на экране высветилось название лекции, которое я не успела прочесть. Приехавший профессор заговорил на исковерканном английском, и уже через полминуты по аудитории поползли нетерпеливые вздохи — понять что-либо из этой речи было трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.